

Т. А. МАРЧЕНКО, О. В. ПЕРЕВЕРЗЕВА

СОЦИОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: ЖАН БОДРИЙЯР

УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКОЕ
ПОСОБИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ АКАДЕМИЯ»

РОСТОВСКИЙ ФИЛИАЛ

Т. А. МАРЧЕНКО
О. В. ПЕРЕВЕРЗЕВА

Социология постмодерна: Жан Бодрийяр

*Учебно-методическое пособие
по курсу «Современные
социологические теории»*

ПРОФ
пресс

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2014

УДК 316.25
М 30

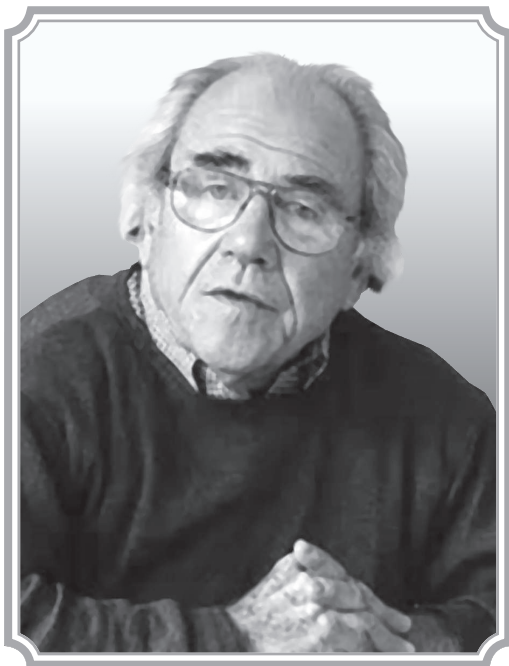
*Публикуется на основании решения учебно-методического совета
Ростовского филиала Российской таможенной академии
(протокол №3 от 13.11.2014 г.)*

М 30 Марченко Т.А., Переверзева О.В. Социология постмодерна: Жан Бодрийяр: учебно-методическое пособие по курсу «Современные социологические теории». Ростов н/Д: Профпресс, 2014. — 28 с.

ISBN 978-5-905468-31-5

УДК 316.25

© Т.А. Марченко, О.В. Переверзева, 2014
© Ростовский филиал РТА, 2014
© ООО «Профпресс», 2014

Жан Бодрийяр

Jean Baudrillard

- **Дата рождения:** 27 июля 1929.
- **Место рождения:** Реймс, Франция.
- **Дата смерти:** 6 марта 2007 (77 лет).
- **Место смерти:** Париж, Франция.
- **Гражданство:** Франция.
- **Направление:** постмодернизм.
- **Основные интересы:** социология, культурология, социальная философия.
- **Значительные идеи:** гиперреальность, симулякр.
- **Оказавшие влияние:** Карл Маркс, Фридрих Ницше, Марсель Мосс, Жорж Батай, Ги-Эрнст Дебор, Ролан Барт.

Введение в изучение первоисточника «Символический обмен и смерть» (Ж. Бодрийяр)¹

Бодрийяр — многогранный, неоднозначный ученый, который интенсивно цитируется отечественными и зарубежными представителями практически всех гуманитарных наук. Во круг его произведений идут постоянные споры. Пожалуй, он является «чемпионом» по количеству интерпретаций его текстов. Так, например, американские ученые, трактуют его манеру письма, где он постоянно полемизирует сам с собой, как своего рода «талисман» постмодернистского мира. А в масс-медиа Бодрийяра окружает атмосфера, выражаемая терминами «гуру», «адепты», «талисман», и т. п. Вместе с тем, будучи сложным, неоднозначным мыслителем, ученый в своих произведениях обосновывает вполне определенную позицию. В современных исследованиях Ж. Бодрийяр представлен как постмодернист, но сам он себя постмодернистом не называл. Его творчество представляет собой мощную попытку осмысления реальностей постиндустриального общества, отличительных черт общества постмодерна по сравнению с обществом модерна, которое принято периодизировать от эпохи Нового времени. В конце XX века постмодернизм предложил новые концепты, которые в новых для современного обществознания категориях выражали трансформационные процессы, происходящие во всех сферах общественной жизни. Постмодернизм очень быстро занял достойное место в пространстве социальных теорий

Несмотря на то, что у теоретиков постиндустриального общества и теоретиков постмодерна предмет исследования один — состояние современного общества, между ними есть существенные различия, которые разделяют эти теории не непреодолимым, но все-таки, «водоразделом». Главное из этих отличий: сдержанный оптимизм в оцен-

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000.

ке перспектив развития общества у теоретиков постиндустриального общества; и масштабный критицизм, доходящий до обоснования бесперспективности развития современного общества у ученых — представителей постмодерна. Вопрос о том, кто более прав в оценке перспектив дальнейшего общественного развития остается открытым, поскольку современное постиндустриальное, или, как его называют, общество постмодерна находится в процессе своего формирования. В настоящее время российские социологи исследуют проблемы правомерности отнесения современного общества к «обществу постмодерна», а постмодернизма — к адекватной ему концептуальной системе, выявляют изменения в особенностях статусно-ролевых структур, определяют основные направления социальных трансформаций (развеществление, виртуализацию, мифологизацию, децентрацию социальной реальности и др.)¹

Бодрийяр вошел в науку как социолог с достаточно последовательными социально-теоретическими взглядами, определённой исследовательской позицией. Эта позиция наиболее отчетливо воплощена в таких работах, как «Общество потребления» (1970), «Символический обмен и смерть», «В тени молчаливых большинства» (1978). Бодрийяр представляет своим читателям: а) особенности повседневной жизни людей в современном обществе через целостный социальный феномен массового потребления; б) объясняет динамику «общества потребления» через «редукцию символического» — от символического обмена к симуляции. Эта динамика идет в русле «состязательной демократии», когда знак теряет свою «обязательность», становится состязательно демократичным. Возникают возможности не только демонстрации, но и имитации принадлежности к другому классу, а «через посредство межклассовых ценностей/знаков престижа с необходимостью возникает и подделка», — пишет Ж. Бодрийяр. И третья, взаимосвязанная с предыдущими, тема: в) обоснование «коллапса политического тела», когда

¹ См.: Анурин В. Ф. Постмодернизм: в поисках материального фундамента // ОНС, 2001. № 3; Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал, 1994. № 4; Бодрийяр Ж. Соблазн. Пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000; Бурганова Л. А. Постмодернистская социология. Казань, КГТУ, 2004; Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003; Давыдов Ю. Н. Патологичность «состояния постмодерн» // СОЦИС, 2001. № 11; Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1997. № 4; Коллонтай В. М. Об экономическом и неэкономическом постмодернизме // Пост-модерновый мир и Россия. М.; Волгоград: ВГУ, 2004; Лесова М. Б. Социальное познание и постмодернизм. Автореферат дис..к. филос. наук (09.00.11). М., 2001; Санникова О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна. Автореферат дис..к. соц. наук (22.00.04), М., 2006; и др.

становится невозможным проективное мышление и действие. Это — «обратная апокалиптика».

В. Н. Фурс высказывает очень важную для понимания роли Бодрийера в социологии, мысль: «Привлекательность концепции Бодрийера состоит именно в том, что он сумел отойти от привычных схем социологического мышления и поставить под сомнение социально-научную установку как таковую. Бодрийер продемонстрировал исключительно важный пример «граничного» мышления, маркируя тем самым границу социальной теории, адекватной «вызову перемен». Поэтому обращение к его релевантным текстам дает шанс определить принципиальные параметры социальной теории в той мере, в какой она вообще возможна сегодня».¹

¹ Фурс В. Н. Радикальная социологическая теория Ж. Бодрийера./Социологический журнал, 2002, № 1./[http:// www.socjournal.ru](http://www.socjournal.ru).

Структура мифов общества потребления

Работа «Символический обмен и смерть» увидела свет, когда Ж. Бодрийяру было 46—47 лет, это — его пятая книга. Он анализирует современную ему культуру неокapитализма, ясно выражает свои симпатии и антипатии. Даже в этой работе он осторожно использует термин «постмодерн» и часто заключает его в кавычки. В «Символическом обмене...» Бодрийяр обозначает трехчленную стадийную схему, куда включает и постмодерн. Схема включает 1) докапиталистическое «первобытное» общество, 2) стадию «политической экономии», то есть буржуазно-капиталистическую цивилизацию в её социокультурном контексте, включающем марксизм как явление духовной жизни общества, 3) современную стадию, характеризующуюся трансформацией ценностей с вектором отхода от ценностей буржуазно-капиталистической цивилизации. Он обосновывает, что современная цивилизация является новой общественной организацией, основным признаком которой является универсальное распространение «симулякров».

Приведенная стадийная схема не является исторической конструкцией, она, скорее, философско-социологическая, дающая четкие ориентиры динамики западной цивилизации к её современному состоянию. Поэтому основной проблемной областью Ж. Бодрийяра мы бы назвали время в его социокультурной динамике. С. Зенкин в «Предисловии» к книге Ж. Бодрийяра «Символический обмен и смерть» пишет, что если попытаться выделить «сквозную проблему, которую он в этой работе (как, впрочем, и в других) нигде не ставит отдельно и последовательно, по которой может раскрыть внутреннюю логику его мысли и поставить ее в контекст французской культуры последнего полувека. Это проблема *времени*».¹

¹ Зенкин Б. Жан Бодрийяр: время симулякров./Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. С. 7.

От мифа к симулякру

Отметим, что, прежде всего, Ж. Бодрийяр увидел и почувствовал некую «неподлинность» жизни на индивидуальном, групповом и социальном уровнях. Нечто «ненастоящее» во взаимоотношениях между людьми, между людьми и вещами, по мнению Ж. Бодрийяра, прочно пронизывает современное общество.

Ж. Бодрийяр почти не пользуется словом «миф», а если и пользуется, то для обозначения исторических мифов или мифологий исторических событий и фигур. Для обозначения так волнующей его «неподлинности» мира Ж. Бодрийяр вводит понятие «симулякр», имеющее свою онтологию в философской мысли.

В античной философской мысли понятие «симулякр» встречается у Платона при обозначении «неверного» воспроизводства — подражания эйдосу. Негативная соотнесенность некоего предмета с трансцендентальным образцом представляет собой симулякр. С. Зенкин отмечает, что в 1967 году выходит статья Жилия Делёза «Ниспровергнуть платонизм». Она была опубликована в 1967 году в журнале «Ревю де метафизик э де мораль». Затем, в 1969 году статья была включена под названием «Платон и симулякр» в книгу Делёза «Логика смысла». Делёз выдвинул задачу «ниспровержения платонизма», то есть освобождения симулякров от привязанности к модели и их включения в чисто дифференциальную игру: независимые от трансцендентных образцов симулякры и все больше формирует из них жизненную среду современного человека.¹ Отметим, что у Ж. Бодрийяра симулякр постоянно воспроизводится в социокультурном контексте современного общества.

Появлению в работе «Символический обмен и смерть» понятия «симулякр» Бодрийяр предваряет краткое понимание символическо-

¹ См.: Зенкин Б. Жан Бодрийяр: время симулякров./Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. С. 8—9.

го обмена. Он пишет, что в современном обществе нет такой вещи, которая не была бы знаком, символом, и что нет такого символа, который не был бы товаром. Различные обмены как форма бытия социального — обратимы (сводимы или превратимы, — Т.М.) к своей противоположности, воплощая в себе период сведения бытия к небытию. Ж. Бодрийяр замечает: «Обратимость дара проявляется в отдаривании, обратимость обмена — в жертвоприношении, обратимость времени — в цикле, обратимость производства — в разрушении, обратимость жизни — в смерти, обратимость каждого языкового элемента и смысла — в анаграмме; всюду, во всех областях — одна и та же общая форма, форма обратимости, циклического обращения, отмены; всюду она кладет конец линейному характеру времени, речи, экономических обменов и накопления, власти. Всяду она принимает для нас форму истребления и смерти. Это и есть форма символического. Она не мистична и не структурна — она просто неизбежна».¹

Переживание «неподлинности» мира практически впервые встречается в «Мифологии» Р. Барта. Барт вполне конкретно заявляет свое мироощущение. Он пишет: «Отправной точкой размышлений чаще всего служило ощущение, что я не могу вынести той «естественности», в которую пресса, искусство и здравый смысл постоянно облачают реальность, — меж тем как реальность эта, хоть и образует нашу жизненную среду, тем не менее сугубо исторична; одним словом, мне нестерпимо было глядеть, как в изложении наших текущих событий дня сплошь и рядом смешиваются Природа и История, и за этой пышной выставкой само-собой-разумеющегося мне хотелось вскрыть тот идеологический обман, который, по моему мнению, в ней таился. Мне с самого начала представлялось, что такого рода ложные очевидности характеризуются понятием мифа».² Барт пишет о том, что подлинный смысл вещи или явления заменила форма, порождающая многообразные социально-психологические коннотации (дополнительные смыслы). Эти смыслы функционируют в культуре как «мифы», обозначающие единицы неподлинных смыслов.

Не только Барт обратил в то время внимание на «миф» и «подделку». Ученый из Германии Вальтер Беньямин связывал явление неподлинности мира с развивающейся тогда массовой культурой. Он пользовался иной терминологией. Он использовал понятие «репродукции» в том смысле, в каком позже его будут использовать К. Гирц, Ж. Бодрийяр и др. Беньямин пишет о том, что в массовом обществе

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. С. 45.

² Барт Р. Мифологии/пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. 3-е изд.: М.: Академический проект, 2010. С. 54.

у людей возникает непреодолимая потребность овладения тем или иным предметом непосредственно. Это ведет к тиражированию образов предметов, распространению отображений, репродукций. «При этом репродукция в том виде, в каком ее можно встретить в иллюстрированном журнале или кинохронике, совершенно очевидно отличается от картины. Уникальность и постоянство спаяны в картине так же тесно, как мимолетность и повторимость в репродукции. Освобождение предмета от его оболочки, разрушение ауры — характерная черта восприятия, чей «вкус к однотипному в мире» усилился настолько, что оно с помощью репродукции выжимает эту однотипность даже из уникальных явлений. Так в области наглядного восприятия находит отражение то, что в области теории проявляется как усиливающееся значение статистики. Ориентация реальности на массы и масс на реальность — процесс, влияние которого и на мышление, и на восприятие безгранично».¹ Интересно, что Вальтер Беньямин не был оптимистичен в прогнозах относительно как будущего искусства, так и динамики духовной жизни вообще.

Он полагал, что любая репродукция, в том числе и кино, уничтожают традиционные ценности. «Их наиболее могущественным представителем является кино. Его общественное значение даже и в его наиболее позитивном проявлении, и именно в нем, не мыслимо без этой деструктивной, вызывающей катарсис составляющей: ликвидации традиционной ценности в составе культурного наследия. Это явление наиболее очевидно в больших исторических фильмах. Оно все больше расширяет свою сферу. И когда Абель Ганс² в 1927 году с энтузиазмом восклицал: «Шекспир, Рембрандт, Бетховен будут снимать кино... Все легенды, все мифологии, все религиозные деятели да и все религии... ждут экранного воскрешения, и герои нетепеливо толпятся у дверей», он — очевидно, сам того не сознавая, — приглашал к массовой ликвидации».³ Говоря словами Ж. Бодрийяра, любая репродукция, в том числе кинематограф обладают эффектом симулякра. Мы остановились на Беньямине ещё и потому, что, как было отмечено, Бодрийяр

¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 32.

² Абель Ганс (1889—1981) — французский кинорежиссёр, актер. В 1927 году ставит «Наполеон», где сам играл роль Сен-Жюста. Фильм задуман как трилогия, но на последующие две части Ганс не находит средств. 1929 — третья часть трилогии поставлена Лупу Пиком: «Наполеон на острове Св. Елены». В 1936 произошло его озвучение, а в 1971 вышла на экраны вторая, дополненная редакция. Английскому историку Кевину Браунлоу удалось воссоздать наиболее полную версию, которая произвела фурор в Нью-Йорке в 1981 году.

³ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 38.

активно использует в своей теории термин «репродукция». Более того, он отдает должное творчеству Вальтера Беньямина. Вот что он пишет: «Важнейшие последствия этого принципа репродукции первым сформулировал Вальтер Беньямин в «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Он показывает, что репродукцией поглощается весь процесс производства, меняются его целевые установки, делается иным статус продукта и производителя. Он показывает это на материале искусства, кино и фотографии, потому что именно там в XX веке открылись новые территории, свободные от «классических» производительных традиций и изначально расположенные под знаком воспроизводства; но, как мы знаем, сегодня в эту сферу попадает все материальное производство».¹

Можно привести еще несколько авторов, затрагивающих тему «неподлинности» мира в своих научных изысканиях. Но и сказанного достаточно, чтобы понять — многие идеи Ж. Бодрийяра имеют свои предтечи в социально-философской мысли.

Однако Бодрийяр идет дальше. Рассматривая феномены «автомата» и «робота», он показывает, что автомат представляет собой симулякр более низкого порядка, нежели робот. Иными словами, он разграничивает понимание симулякров первого и второго порядков. Он полагает, что «автомат» и «робот» — эти два типа искусственного человека «разделяет целый мир». Автомат, по Бодрийяру, является аналогом человека, и его пребывание в мире поджобно театральному представлению. Но там, где появляется робот, с театральными представлениями покончено: робот работает, он не аналог, он — эквивалент человека.

Бодрийяр акцентирует внимание на том факте, что робот — машина, но машина, представляющая собой «эквивалент человека, и в качестве эквивалента она включает его в себя, в единый операциональный процесс. В этом вся разница между симулякром первого и второго порядка».² По поводу робота никому не придет на ум сравнивать его с человеком, робот самостоятельная сущность.

Далее Бодрийяр делает поворот к человеку, представляя его в условиях капиталистического постмодерна роботоподобным товаром. Вот что он пишет: «роботы и вообще машины могут бесконечно количественно умножаться, это даже и есть их закон — в отличие от автоматов, которые оставались механизмами великолепно-исключительными. Да и сами люди стали бурно умножать свою численность лишь с того момента, когда благодаря промышленной революции получили ста-

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. С. 124.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. С. 119.

тус машин; освободившись от всяких отношений подобия, освободившись даже от собственного двойника, они растут вместе с системой производства, представляя собой просто ее миниатюрный эквивалент».¹ О. Санникова в своей интересной диссертационной работе «Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна» обосновывает, что ведущими характеристиками статусно-ролевой структуры в обществе постмодерна являются следующие:

- разрушение традиционной структуры индустриального общества и вытеснение ее жизненно-стилевым многообразием, дестратификацией,

- отрыв от объективных оснований статуса и размывание его критериев, замена объективного статуса его субъективной интерпретацией и оценкой, кризис статусной идентификации и самоидентификации;

- возрастание значимости личных качеств (способностей, предпринимчивости, образованности, репутации и т. п.) в объективном формировании статуса, и, как следствие — сближение (вплоть до слияния) личного и социального статуса, вытеснение предписанного статуса достигаемым;

- возрастание роли символического капитала (науки, образования) в жизни общества и определении социального статуса, как следствие — высокая социальная мобильность и переход к субъективным основаниям статусной идентификации (выбор, вкус, предпочтение и пр.)²

О. Санникова, исследуя современное общество с позиций постмодерна, сохраняет устойчиво-оптимистичный взгляд на перспективы социального развития, основываясь на рационализме модерна. Она пишет, что трансформация общества повлекла за собой изменения в статусах и ролях как индивидуальных социальных субъектов, так и групповых. Возникает угроза виртуализации отношений: отношения между людьми рискуют быть заменены на отношения между образами. И далее: «Для того, чтобы вернуть общественные процессы в реальность, теперь необходимо задействовать специальные социальные регуляторы. Однако сложившийся механизм социального регулирования ориентирован (как многое в обществе модерна) на реальные общественные отношения и не может воздействовать на их виртуальные «двойники». Без должного регулирования возникает опасность хаотизации общества и непредсказуемости его движения».³ Можно сказать, что отличие современных российских исследле-

¹ Там же. С. 122.

² Санникова О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна. Автореферат дис..к. соц.наук (22.00.04), М., 2006. С. 8.

³ Санникова О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна. Дис. Канд. Соц. н. (22.00.04), М., 2006. С. 154.

дований постмодерна от западных идей состоит в учете возможностей возвращения ценностного мира людей в русло традиций модерна, что западные постмодернисты считают невозможным. Но и на Западе теоретики, отстаивающие значимость культуры Нового времени для современности, в противовес радикальному постмодернизму утверждают, что современная эпоха может быть охарактеризована как «пик модерности», а не постмодерн. В отечественной литературе также освещаются и интерпретируются дискуссии западных ученых по данной проблеме.¹

Для Ж. Бодрийяра, например, несомненным является факт необратимости культурной динамики, выражающейся в смене эпохи подделки эпохой репродукции. *Природный закон ценности уступает место рыночному закону стоимости*. Возникает новое поколение знаков и вещей, которые не надо подделывать, они производятся массово, в огромных масштабах бесконечной репродуктивности и обладают смыслом как *промышленные симулякры*. Здесь закладываются основы конституирования эры симулякров третьего порядка, когда формы воспроизводятся не механически, а *«задумывают исходя из их воспроизводимости»*. Симулякры третьего порядка становятся основным предметом духовных исканий, плодом новой креативности, направленной на моделирование отличий между моделями, на их массовое производство в воистину необъятных масштабах.

«Основные симулякры, создаваемые человеком, переходят из мира природных законов в мир сил и силовых напряжений, а сегодня — в мир структур и бинарных оппозиций. После метафизики сущего и видимого, после метафизики энергии и детерминизма — метафизика недетерминированности и кода».²

Ж. Бодрийяр пишет о том, что принцип реального бытия предметов (принцип реальности) сменился принципом симуляции, детерминированным законом ценности. Господство кода и симуляции ведет к недетерминированности событий, конституированию гиперреально-

¹ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. / Философия и наука; критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972; Зыбайлов Л. К., Шапинский В. А. Постмодернизм. М. 1993; Подорога В. А. "Феноменология тела" М., 1995 Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М., 1996; Затонский Д. В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. М., 2000.; Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб, 2000; 47 Давыдов Ю. Н. Патологичность «состояния постмодерн» // СОЦИС. 2001, № 11; Христофорова О. Социальный факт и социологические методологии в ситуации постмодерна. / ЛОГОС, № 2 (47), 2005; и др.

² Там же. С. 127.

сти. «Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели», — пишет Бодрийяр.¹ Ученый рисует картину смены разных видов симулякров во времени — от Возрождения до наших дней. Отметим еще раз, что Бодрийяр разрабатывает свою теорию в контексте динамики культуры, активно используя и разрабатывая понятие «ценность», «закон ценности». Это весьма интересно, об этом практически не пишут интерпретаторы творчества Ж. Бодрийяра.

Проблема ценностей всегда была в центре внимания ученых, а первое социологическое определение ценностей относится к началу XX века, когда У. Томас и Ф. Знанецкий дают их описание и дефиницию в своем труде «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918—1920). В русской социологии одними из первых работ посвященных ценностям являются работы П. А. Сорокина «Преступление и кара; подвиг и награда (1914) и «Проблема социального равенства» (1917). Позже, в американский период своего творчества он создает фундаментальный четырехтомный труд «Социальная и культурная динамика» (1937—1941), где теория ценностей представлена достаточно полно. В отечественной социологии проблема ценностей активно разрабатывалась как в советский, так и в постсоветский период. Что касается современного этапа исследования ценностного сознания, то он характеризуется заметным «креном» в сторону интерпретации конкретно-социологических исследований, оставляя вне сферы внимания проблемы историко-культурной динамики ценностей. Л. Н. Столович в 1994 году высказал мысль: «Разработка теории ценностей не может не опираться на все, что было сделано в истории мировой общественной мысли. К сожалению, существующий огромный материал по теории ценностей у нас даже не собран и не систематизирован. У нас очень мало современных трудов, в которых история и теория ценностей излагалась бы достаточно полно, а имеющиеся обобщающего плана труды отделяет от нас неумолимое время.»² С тех пор ситуация в этом плане незначительно изменилась.

А, между тем, содержание не только самой ценности, но и понятия «ценность» — трансформируется во времени и воспроизводится в новых смыслах по схеме — «подделка — производство — симуляция». В работе выделяются три порядка симулякров. Вот как об этом пишет Ж. Бодрийяр.

«Со времен эпохи Возрождения, параллельно изменениям закона ценности, последовательно сменились три порядка симулякров:

- *Подделка* составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции;

¹ Там же.

² Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. — М., 1994. С. 7

- *Производство* составляет господствующий тип промышленной эпохи;

- *Симуляция* составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом.

Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка — на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка — на основе структурного закона ценности».¹

«Структурный закон ценности» — что это такое? Здесь возможен лишь интерпретативный подход. Так, Бодрийяр пишет, что подделка, которая составляет господствующий тип «классической» эпохи, возникает вместе с модой. мода возникает и развивается в эпоху Возрождения, когда буржуазные отношения вытесняют ценности феодального общества. Если эпохе Возрождения был присущ символический порядок, при котором, например, знаки принадлежности к определенному социальному слою обозначались знаками вполне определенно, то буржуазные отношения принесли людям свободу в использовании различных знаков. Восприятие этих знаков, например, может отсылать и отсылает воспринимающего к какому-то фрагменту действительности, на самом деле не имеющему ничего общего с транслятором знака.

Бодрийяр пишет: «С концом обязательного знака наступает царство знака эмансипированного, которым могут теперь одинаково пользоваться все классы. На смену знаковой эндогамии, свойственной статусным обществам, приходит состязательная демократия. Тем самым через посредство межклассовых ценностей/знаков престижа с необходимостью возникает и подделка. Это переход от ограниченного числа знаков, «свободное» производство которых находится под запретом, к массовому распространению знаков согласно спросу».²

Ученые, исследующие эпоху постмодерна, отмечают амбивалентность ценностей, функционирующих в обществе. Социологам-постмодернистам свойственны рефлексивность, критический взгляд на современную реальность и социологические теории, в том числе и постмодернистские. Зигмунд Бауман в своей работе «Признаки постмодерна» показывает плюралистичность культуры современных обществ, меняющую стандарты истины в сторону их относительности.³ Бауман полагает, что мораль постмодернистского общества выглядит следующим образом:

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. С. 101.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. С. 115—116.

³ См.: Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.

■ Люди перестают быть плохими или хорошими. Они просто «морально амбивалентны».

■ Моральные явления не отличаются регулярностью и устойчивостью.

■ Моральные конфликты не могут быть разрешены в силу отсутствия устойчивых моральных принципов.

■ Нет такого явления как универсальная, общая для всех мораль.

■ Соответственно, нет рационального порядка, ибо нет механизма морального контроля.

■ Но мораль не исчезает вообще. Она трансформируется в этическую систему, касающуюся межличностного взаимодействия. Особую значимость приобретает потребность быть для другого.

■ Люди обречены на жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами.¹

В «Символическом обмене...» Бодрийяр трактует эту амбивалентность иначе: он связывает неоднозначность симулякров с неоднородностью объектов, являющихся для них моделями. Это касается имитации (подделки) как материальных вещей, так и процессов, символических сущностей (симуляция поступков, деятельности, болезни, и пр).

В эпоху постмодерна большую роль играют «интерпретаторы» — интеллектуалы с постмодернистским мышлением. «Постмодернистское мышление» означает, что интеллектуалы переводят, точнее, делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом; они не ориентированы на выбор «лучших идей», их цель — обеспечить коммуникацию между автономными сообществами; интерпретаторы стремятся предотвратить искажение в процессе коммуникации; для этого они развивают глубокое понимание той системы знания, которую необходимо адаптировать для восприятия другими.²

О. Христофорова, сравнивая общество модерна и общество постмодерна, отмечает, что общество модерна — прежде всего, целостная и упорядоченная система, которая детерминирует и определяет свои составляющие. Его феноменами выступают такие явления как тоталитаризация, классовость, элитизм, ограничение человека через приведение его жизнедеятельности к всеобщему, рациональному и истинному. Общество модерна «имеет дисциплинированную, структурированную природу, основывается на метафорах прогресса и рацио-

¹ Постмодернистские теории./<http://hghltd.yandex.net>

² Постмодернистское мышление предполагает принятие амбивалентности как естественного положения вещей. Поэтому это мышление толерантно, так как оно принимает существование различий как естественную данность./ Постмодернистские теории./<http://hghltd.yandex.net>

нальности. Оно объективно и принципиально познаваемо. Индивиды в нем рассматриваются преимущественно как социальные типы и представители определенных социальных структур». ¹ Общество постмодерна уже не целостно — происходит трансформация социальных структур в сторону функционирования автономных индивидов. «В познании, прежде всего, делается акцент на категории «социальность», которая отказывается принимать во внимание «структурированный характер процесса» и преимущественно направлена на описание функционирования сообществ автономных индивидов». ² Ссылаясь на исследования З. Баумана, О. Христофорова делает следующий вывод: «В социологической теории постмодерна центральное место отводится понятиям социальности, пространства обитания, самоконструирования и самомонтажа (в «ортодоксальном» модерне этот ряд занимают категории — общество, нормативная группа, социализация и контроль)». ³

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.*
2. Анурин В. Ф. *Постмодернизм: в поисках материального фундамента // ОНС, 2001. № 3; Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал, 1994. № 4;*
3. *Барт Р. Мифологии/пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. 3-е изд.: М.: Академический проект, 2010.*
4. *Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.*
5. *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000.*
6. *Бодрийяр Ж. Соблазн. Пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000;*
7. *Бурганова Л. А. Постмодернистская социология. Казань, КГТУ, 2004;*
8. *Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003;*
9. *Давыдов Ю. Н. Патологичность «состояния постмодерн» // СОЦИС, 2001. № 11;*
10. *Зенкин Б. Жан Бодрийяр: время симулякров./Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000.*
11. *Зыбайлов Л. К., Шапинский В. А. Постмодернизм. М. 1993;*

¹ Христофорова О. Социальный факт и социологические методологии в ситуации постмодерна. /ЛОГОС, № 2 (47), 2005. С. 174—175.

² Там же.

³ Христофорова О. Социальный факт и социологические методологии в ситуации постмодерна. /ЛОГОС, № 2 (47), 2005. С. 176.

12. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М., 1996; Затонский Д. В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. М., 2000.;
13. Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1997. № 4;
14. Коллонтай В. М. Об экономическом и неэкономическом постмодернизме // Пост-модерновый мир и Россия. М.; Волгоград: ВГУ, 2004;
15. Лесова М. Б. Социальное познание и постмодернизм. Автореферат дис..к.филос.наук (09.00.11). М, 2001;
16. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии./Философия и наука; критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972;
17. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб, 2000;
18. Подорога В. А. «Феноменология тела» М., 1995.
19. Постмодернистские теории./http://hghltd.yandex.net
20. Санникова О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна. Автореферат дис..к. соц.наук (22.00.04), М., 2006;
21. Санникова О. Трансформация социальных статусов и ролей в обществе постмодерна. Автореферат дис..к. соц.наук (22.00.04), М., 2006. С. 8.
22. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. — М., 1994.
23. Фурс В. Н. Радикальная социологическая теория Ж. Бодрийяра./Социологический журнал, 2002, № 1./http://www.socjournal.ru
24. Христофорова О. Социальный факт и социологические методологии в ситуации постмодерна./ЛОГОС, № 2 (47), 2005.

Приложение

*Три порядка симулякров.
Лепной ангел.
Автомат и робот.*

*(Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть).
Перевод и вступительная статья С. Н. Зенкина.
М.: Добросвет, 2000*

Три порядка симулякров

Со времен эпохи Возрождения, параллельно изменениям закона ценности, последовательно сменились три порядка симулякров:

- Подделка составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции;
- Производство составляет господствующий тип промышленной эпохи;
- Симуляция составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом.

Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка — на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка — на основе структурного закона ценности.

Лепной ангел

Подделка — а заодно и мода — рождается вместе с Возрождением, когда феодальный строй деструктурируется строем буржуазным и возникает открытое состязание в знаках отличия. В кастовом или чиновном обществе не бывает моды, так как человек всецело закреплен за своим местом и межклассовые переходы отсутствуют. Знаки защищены запретом, обеспечивающим им полную ясность: каждый знак недвусмысленно отсылает к определенному социальному статусу. В

церемониале невозможна подделка — разве что как кощунственная черная магия, соответственно и смешение знаков наказуемо как серьезное нарушение порядка вещей. Если порой — особенно сегодня — мы еще и начинаем мечтать о мире надежных знаков, о сильном «символическом порядке», то не будем строить иллюзий: такой порядок уже существовал, и это был порядок свирепо-иерархический, ведь прозрачность знаков идет рука об руку с их жестокостью. В жестоких кастовых обществах — феодальных или архаических — чисто знаков невелико, их распространение ограничено, каждый из них в полной мере весом как запрет, как межкастовое, межклановое или межличностное взаимное обязательство; такие знаки не бывают произвольными. Произвольность знака появляется тогда, когда, вместо того чтобы связывать двух лиц узами неразрывной взаимности, он начинает в качестве означающего отсылать к расколдованному миру значаемого, общему знаменателю реального мира, которому никто шчем не обязан.

С концом обязательного знака наступает царство знака эмансипированного, которым могут теперь одинаково пользоваться все классы. На смену знаковой эндогамии, свойственной статусным обществам, приходит состязательная демократия. Тем самым через посредство межклассовых ценностей/знаков престижа с необходимостью возникает и подделка. Это переход от ограниченного числа знаков, «свободное» производство которых находится под запретом, к массовому распространению знаков согласно спросу. Но такой умножаемый знак уже не имеет ничего общего со знаком обязательным, ограниченно распространяемым: он подделывается под него — не путем извращения «оригинала», а путем расширительного употребления материала, чья ясность была всецело обусловлена его принудительной ограниченностью. Новоевропейский знак, выражающий уже не дискриминацию, а лишь состязательность, разгруженный от всякой принудительности, общедоступный, — все еще, однако, симулирует свою необходимость, выдавая себя за связанный с миром. Он грезит о знаках прошлого и желал бы вновь обрести их реальную референтность, а вместе с ней и их обязательность; но обрести ему удастся лишь причинность — ту референциальную причинность, реальность и «естественность», которыми ему и придется жить отныне. Но это отношение десигнации есть лишь симулякр символической обязательности; им производятся одни лишь нейтральные ценности, которые обмениваются в объективном мире. Знак переживает ту же судьбу, что и труд. «Вольный» труженик волен лишь производить эквивалентности — «вольный и эмансипированный» знак волен лишь производить эквивалентные означающие.

Поэтому новоевропейский знак обретает свою значимость в симулякре «природы». Проблематика «естественности», метафизика реальности и видимости — это характерно для всей буржуазии с эпохи Возрождения, это зеркало буржуазного, классического знака. Ностальгия по природной референтности знака остается живучей еще и сегодня, несмотря на ряд ломавших эту конструкцию переворотов — таких как промышленный переворот, когда знаки начинают опираться уже не на природу, а только на закон обмена и поступают в распоряжение рыночного закона стоимости. Мы еще вернемся к таким симулякрам второго порядка.

Итак, в эпоху Возрождения вместе с естественностью родилась и подделка. Подделка идет на всех уровнях, от ложного жилета (только спереди) до лепных интерьеров и грандиозных театральных машин барокко. В самом деле, классическая эпоха была прежде всего эпохой театра. Начиная с Возрождения театральность охватывает все формы социальной жизни и архитектуры. Именно здесь, в дерзаниях лепной скульптуры и барочного искусства, метафизика подделки распознается как новое устремление людей Возрождения к светской демиургии, к преображению любой природы в одну-единственную субстанцию, по своему театральному характеру подобную социальной жизни, унифицируемой под знаком буржуазных ценностей, независимо от различий по крови, рангу и касте. Лепнина — это торжество демократии всевозможных искусственных знаков, апофеоз театра и моды, в котором выражается способность нового класса к любым свершениям, поскольку ему удалось сломать систему исключительного владения знаками. Этим открывается путь к небывалым сочетаниям, к всяческим вариантам игры и подделки; прометеевские стремления буржуазии обратились прежде всего на подражание природе, а уже потом — на производство. В храмах и дворцах лепнина принимает любые формы, имитирует любые материалы: бархатные занавеси, деревянные карнизы, округлости чело-веческой плати. Лепнина позволяет свести невероятное смешение материалов к одной-единственной новой субстанции, своего рода всеобщему эквиваленту всех остальных, и она прекрасно подходит для создания всевозможных театральных чар, так как сама является представительной субстанцией, зеркальным отражением всех остальных.

Но симулякры — это не просто игра знаков, в них заключены также особые социальные отношения и особая инстанция власти. Лепнину можно мыслить как триумфальный взлет науки и технологии, но она также, и прежде всего, связана с барокко, а то в свою очередь — с Кон-трреформацией, с той попыткой согласно новому пониманию власти

контролировать весь мир политических и душевных явлений, которую впервые предприняли иезуиты.

Имеется тесная связь между иезуитской покорностью души («*perinde ac cadaver*») и демиургическим замыслом избавиться от природной субстанции вещей, заменив ее субстанцией синтетической. Как и подчиненный организации человек, вещи обретают при этом идеальную функциональность трупа. Здесь уже заложена вся технология и технократия — презумпция идеальной поддельности мира, которая находит себе выражение в изобретении универсального вещества и в универсальной комбинаторике веществ. Воссоединить разъединенный в результате Реформации мир согласно единообразной доктрине, универсализировать мир (от Новой Испании до Японии — отсюда миссионерство) под властью одного слова, сформировать государственную политическую элиту с единой централизованной стратегией — таковы задачи, которые ставили себе иезуиты. Для всего этого требовалось создавать действенные симулякры — систему организации, систему театральной помпы (сцена, на которой играют кардиналы-министры и серые кардиналы) и систему воспитания и образования, впервые систематически направленную на пересоздание идеальной природы ребенка. Важнейшей системой того же рода является и лепное покрытие барочной архитектуры. Все это предшествует продуктивистской рациональности капитала, но в этом уже присутствует — в плане не производства, а подделки — тот же проект всеобщего контроля и господства, социальная схема, уже глубоко демонстрирующая внутреннее единство системы.

Жил в свое время в Арденнах повар на пенсии Камиль Рено, которому изготовление фигурных тортов и искусство кондитерской пластики внушили гордый замысел пересоздать мир начиная с той стадии, где оставил его Бог... то есть с природной стадии — устранив из него всякую органическую спонтанность и заменив ее одним веществом, принимающим разные формы, — железобетоном; из бетона он сделал всю домашнюю обстановку — стулья, выдвижные ящики, швейную машинку, во дворе расставил целый бетонный оркестр, включая скрипачей со скрипками; всюду бетон и бетон — бетонные деревья с настоящими листьями, железобетонный кабан с замурованным внутри настоящим кабаньим черепом, бетонные овцы, покрытые настоящей шерстью. Он наконец-то нашел первообразную субстанцию, и в вылепленных им разнообразных вещах из нее делалось все, кроме кое-каких «реалистических» нюансов (кабаньего черепа, древесной листвы), да и то здесь демиург всего лишь делал уступку зрителям... ибо сей восьмидесятилетний бог-творец с очаровательной улыбкой показывал свое творение посетителям. Он не оспаривал

божественное творение, он просто пересоздавал его, дабы сделать более ясным для ума. Никакого люциферовского бунта, никаких пародийных замыслов, никакого пристрастия к «наивному» искусству в стиле ретро. Арденнский повар просто царил над унифицированной умственной субстанцией (ведь бетон есть умственная субстанция, позволяющая, как и понятие, упорядочивать реальные явления и вычленять их по своему усмотрению). Его проект недалеко отстоял от того, которому следовали авторы лепной скульптуры в эпоху барокко, и, в общем, состоял в проекции «на местность» той общественной жизни, которая течет сегодня в больших городах. Подделка работает пока лишь с субстанцией и формой, а не с отношениями и структурами, но на этом своем уровне она уже стремится к контролю над бесконфликтным обществом, вылепленным из неподвластного смерти синтетического вещества; этим нерушимым артефактом гарантируется вечность власти. Таким же чудесным человеческим изобретением стала и пластмасса — вещество, не знающее износу, прерывающее цикл взаимоперехода мировых субстанций через процессы гниения и смерти. Это внециклическое вещество, даже в огне оставляющее неразрушимый остаток, — нечто небывалое, этот симулякр воплощает в себе в концентрированном виде всю семиотику мироздания. Это не имеет ничего общего с «прогрессом» технологии или же рациональными устремлениями науки. Это проект господства над политической и душевной жизнью, фантазм самозамкнутой умственной субстанции — наподобие барочных лепных ангелов, обхватывающих руками кривое зеркало.

Автомат и робот

Эти два типа искусственного человека разделяет целый мир. Один представляет собой театральную подделку человека средствами часовой механики, где техника всецело служит аналогии и эффекту симулякра. Во втором техническое начало господствует, машина берет верх, а вместе с машинностью утверждается и эквивалентность. Автомат исполняет роль придворного, благовоспитанного человека, участвует в театрально-бытовой игре дореволюционного общества. Робот же, как показывает его имя, работает: театра больше нет, наступает пора человеческой механики. Автомат — аналог человека, он остается его собеседником (играет с ним в шахматы!). Машина — эквивалент человека, и в качестве эквивалента она включает его в себя, в единый операциональный процесс. В этом вся разница между симулякром первого и второго порядка.

Итак, не следует обольщаться их «фигуративным» сходством. Автомат возникает из вопросов о природе, о тайне души или же ее отсутствия, о дилемме видимостей и сущности; он словно Бог — что у него внутри, в глубине, по ту сторону? Один лишь поддельный человек позволяет задаваться такими вопросами. Вся метафизика человека как главного действующего лица на природном театре творения воплотилась в автомате, а затем исчезла в эпоху Революции. У автомата и нет другого назначения, кроме постоянных сравнений с живым человеком — чтобы быть естественнее его, образуя его идеальное подобие. Это безупречный двойник человека, вплоть до гибкости движений, вплоть до функционирования органов и ума; возникает даже тревожная мысль, что никакого отличия вообще нет, то есть что с душой покончено и осталось одно лишь идеально-натурализованное тело. В общем, кощунство. Поэтому отличие приходится специально поддерживать, как в истории с тем слишком совершенным автоматом, хозяин которого сам изображал на сцене отрывистые движения, чтобы хоть ценой такого обмена ролями не допустить их путаницы. Таким образом, задаваемые автоматом вопросы остаются открытыми, а потому его механика — оптимистична, пусть даже подделка и содержит всегда какую-то дьявольскую коннотацию¹.

С роботом — ничего подобного. С ним нет больше вопроса о видимостях, его единственная истина — его механическая эффективность. Он больше не ориентируется на сходство с человеком, да его с ним и не сравнивают. Нет больше того неуловимого метафизического отличия, что создавало тайну и очарование автомата; робот поглотил это отличие и усвоил его себе на пользу. Суть и видимость слились в единую субстанцию производства и труда. В симулякре первого порядка отличие никогда не отменяется: в нем всегда предполагается возможность спора между симулякром и реальностью (их игра достигает особой тонкости в иллюзионистской живописи, но и вообще все искусство живет благодаря зазору между ними). В симулякре же второго порядка проблема упрощена путем поглощения видимостей — или же, если угодно, ликвидации реальности; так или иначе, в нем встает реальность без образа, без эха, без отражения, без видимости; именно таков труд, такова машина, такова вся система промышленного производства в целом, поскольку она принципиально противостоит театральной иллюзии. Нет больше ни схождения ни несхождения, ни Бога ни человека — только имманентная логика операционального принципа.

С этого момента роботы и вообще машины могут бесконечно количественно умножаться, это даже и есть их закон — в отличие от автоматов, которые оставались механизмами великолепно-

исключительными. Да и сами люди стали бурно умножать свою численность лишь с того момента, когда благодаря промышленной революции получили статус машин; освободившись от всяких отношений подобия, освободившись даже от собственного двойника, они растут вместе с системой производства, представляя собой просто ее миниатюрный эквивалент. Реванш симулякров, питающий собой легенду об ученике чародея, не происходил в пору автоматов, зато он является законом симулякров второго порядка: здесь робот, машина, омертвленный труд все время господствуют над трудом живым. Такое господство необходимо для цикла производства и воспроизводства. Именно благодаря такому перевороту эпоха подделки сменяется эпохой репродукции. Природный закон ценности и свойственная ему игра форм уступают место рыночному закону стоимости и свойственному ему расчету сил.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКА «СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБМЕН И СМЕРТЬ» (Ж. БОДРИЙЯР)	4
СТРУКТУРА МИФОВ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ	7
ОТ МИФА К СИМУЛЯКРУ	8
ПРИЛОЖЕНИЕ	19

Учебное издание

Т. А. Марченко,
О. В. Переверзева

**СОЦИОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА:
ЖАН БОДРИЙЯР**

Редактор — Д. В. Нефедов
Верстка и дизайн — ООО «Профпресс»

ООО «Профпресс», 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 13-я линия, 34, оф. 407,
тел. (863) 241-37-43, факс (863) 220-38-27, e-mail: profpress@aanet.ru.

Отпечатано в РИК ООО «Профпресс». Сдано в набор 08.12.2014.
Подписано в печать 16.12.2014. Формат 64х80/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура MyriadPro. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 50 экз.

9 785905 468315

9 785905 468315